

Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист

Многочисленные выходцы из ВЧК-ОГПУ активно присутствовали в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны. С чекистской карьеры начинали и будущий глава советского правительства Н.А. Булганин, и известные партийно-государственные деятели — Л.П. Берия, Е.Г. Евдокимов, М.С. Кедров, В.Н. Манцев, И.П. Павлуновский, С.Г. Уралов, В.Н. Яковлева и др. К подобной категории лиц принадлежал крупный работник ВЧК и инженер-изобретатель Иван Михайлович Данишевский (декабрь 1897 - 1979).

Данишевский родился в Варшаве, в семье мелкого приказчика и акушерки, незадолго до того высланной в потоке других евреев из Москвы. Закончив гимназию в 1916 г., Данишевский поступил в Харьковский университет, «но не учился — вошёл в революционное подполье» партии социалистов-революционеров. Революционная карьера юноши началась в январе 1917 г., когда он организовал «антивоенную массовку», был задержан полицией, но бежал [1. Л. 1, 3]. С июля 1917 г. левый эсер Данишевский активно участвовал в создании Красной гвардии в Харькове, после октябрьского переворота «подавлял контрреволюционное офицерство», воюя с декабря 1917 г. в составе 1-го Харьковского пролетарского полка против каледицев в Донбассе [2. С. 429]. В марте 1918 г. под натиском немцев советские части покинули Украину, и Данишевский в апреле-августе заведовал нелегальными сообщениями украинского «Правительства восстания», базировавшегося в Москве. Тогда же он вышел из ПЛСР.

В сентябре 1918 г. Данишевский вернулся на Украину и работал организатором в Харьковском подпольном ревкоме, а после восстановления большевистской власти получил должность члена коллегии агитационно-просветительного управления наркомата по военным делам УССР, участвуя при этом в «отдельных боях с кулацкими бандами». Когда деникинцы захватили Украину, Данишевский снова эвакуировался в Москву и в октябре 1919 г. одновременно вступил в партию большевиков, и — как грамотный военный работник с опытом подпольной работы — был взят в органы военной контрразведки, став заместителем начальника информации Особого отдела ВЧК [1. Л. 1 об.]. Известен факт его сообщения В.И. Ленину осенью 1919 г. материалов так называемого заговора Национального центра [3. С. 77]. Данишевский по указанию Дзержинского доложил Ленину агентурные материалы о начальнике Центрального управления военных сообщений Полевого Штаба РККА М.М. Аржанове, который был знаком со многими заговорщиками. Как вспоминал Данишевский, Ленин был очень доволен тем, что известный военный инженер Аржанов оказался непричастным к делу Национального центра [4. С. 39–40].

Работа в Особом отделе ВЧК продолжалась до декабря 1919 г., после чего Данишевский вернулся на Украину и до сентября 1920 г. работал членом Реввоенсовета Украинской трудовой армии, заместителем наркома труда УССР и главой Всеукраинского наркомтруда. Затем Данишевский был снова зачислен в органы ВЧК и назначен начальником особого отдела 13-й армии Южного фронта. С ноября 1920 г. до января 1921 г. деятельность чекиста оказалась тесно связана с Крымской ударной группой особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов, которая осуществила кровавую «зачистку» полуострова от основной части офицерства и многих беженцев. Желая, чтобы как можно больше потенциальных жертв осталось в Крыму, Л.Д. Троцкий 22 ноября 1920 г. телеграфировал командующему Южфронтом М.В. Фрунзе и члену РВС С.И. Гусеву: «Необходимо всё внимание сосредоточить на той задаче, для которой создана „тройка“». Попробуйте ввести в заблуждение противника через агентов, сообщив, что ликвидация отменена

или перенесена на другой срок» [5. С. 217]. Специальные тройки, созданные из руководящих работников особых отделов, в течение нескольких недель беспощадно расправились с массой врангелевцев и беженцев.

Недавно обнародованные документы дают представление о личном вкладе 23-летнего Данишевского в уничтожение крымской «буржуазии». 26 ноября 1920 г. он сообщил заместителю начальника управления особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов Е.Г. Евдокимову: «Сегодня на ст[анции] Джанкой мною задержано 414 офицеров. Из них 14 расстреляно, 400, за неимением вооружённой силы для операции [по расстрелу]... направляю [в] Керчь... Особпунктом N 1 расстреляно 45 офицеров». Тому же адресату 27 ноября он сообщал из района Феодосии: «Задержано, приговорено за сутки 273 белогвардейца, из них: 5 генералов, 51 полковник, 10 подполковников, 17 капитанов, 23 штабс-капитана, 43 поручика, 84 подпоручика, 24 чиновника, 12 чинов полиции, 4 пристава. Положение района... катастрофическое, особорганы частью отсутствуют, частью весьма подозрительны [по] своему составу... нет даже вооружённой силы для... исполнения приговоров». 29 ноября Данишевский отчитался перед Евдокимовым, что в Феодосии за последние сутки «задержано, приговорено [к] расстрелу 136 контрреволюционеров, из них: 27 полковников, 4 подполковника, 8 капитанов, 14 поручиков, 37 подпоручиков, 6 чинвоенвремени, 2 госстражи, 1 пристав, 1 вахмистр, 31 бежавших [с] севера». 30 ноября Данишевский сообщал о своём прибытии в Керчь и о расстреле 44 чел.[5. С. 405–408].

Апогей внесудебных казней пришёлся на декабрь 1920 г. Возглавляя чрезвычайную тройку, Данишевский с 6 по 14 декабря заочно осудил к расстрелу в Керчи 609 чел., в Феодосии с 3 по 30 декабря — 527 чел., в Симферополе 27 января 1921 г. — 10 чел. О крайней спешке, в которой осуществлялись массовые казни, говорит тот факт, что отдельных следственных дел не составлялось, и людей расстреливали по спискам, ограничиваясь сведениями анкет, в которых фиксировалось социальное и профессиональное положение обречённых. Например, «чрезвычайная тройка при управлении начособотдарма 13 и уполномоченного Крымской ударной группы особотделов Южюгзапфронтов от 4 декабря 1920 года под председательством тов. Данишевского, при членах [П.] Зотове и [Н.И.] Добродицком в г. Феодосии» осудила к смерти 287 чел., следственные материалы на которых (анкеты с резолюциями «расстрелять») уместились в одной папке.

Приговоры выглядели стандартно. Например, постановление той же тройки от 5 декабря гласило: «Принимая во внимание доказанность обвинения всех вышепоименованных в количестве сорока трёх человек (43), как явных врагов трудового народа и контрреволюционеров, — расстрелять, имущество их конфисковать». Среди этих расстрелянных была и 16-летняя ученица из Карасубазара, «шпионка» Евдокия Гаврусева. Таким образом, на основании лишь известных документов доказывается уничтожение по инициативе Данишевского не менее 2 000 чел. Обнародовавший часть этих данных украинский прокурорский работник Л.М. Абраменко отождествил И.М. Данишевского с «ленинским любимцем» К.Х. Данишевским, главой системы военных трибуналов [6. С. 96–97].

О том, какое впечатление расправы с белыми производили на рядовых исполнителей, один из бывших красноармейцев в своей биографии упоминал: «...При ликвидации в гор. Феодосии мне пришлось участвовать в форменной резне, после чего расстроилась нервная система[,] и я был отправлен в Москву в нервный госпиталь, где меня вылечили» [7. С. 136]. Есть документы о том, что Данишевский предпринимал меры воздействия к тем чекистам, которые, с его точки зрения, «перегибали». Например, заметную роль в крымской бойне сыграл военный разведчик

и сексот особого отдела ВЧК 9-й армии Б.Д. Грушецкий, который в конце 1920 г. оказался в составе особой группы чекистов, направленной для «чистки» полуострова. Грушецкий, по его словам, разоблачил ряд бывших белогвардейцев на советской службе (капитана Тульвина, полковников Кибичева, Лепёшкина и др. офицеров), которые «арестовывались и расстреливались». По жалобам коммунистов, ходатайствовавших за расстрелянных, Грушецкий был Данишевским арестован и месяц провёл в заключении, но затем оказался освобождён и вскоре получил крупную чекистскую должность [8. Л. 35–39].

После завершения основных внесудебных расправ в Крыму Данишевский был награждён золотыми часами и переведён в столицу Украины, заняв в марте 1921 г. пост начальника Особого отдела Харьковского военного округа. Но уже в июне его в качестве особоуполномоченного ВЧК перебросили в занятые Красной армией районы Закавказья, где он также занимался организацией изъятия «враждебных элементов». В сентябре 1921 г. Данишевского уволили из ВЧК и поручили гражданскую работу. С осени 1921 г. он руководил Главкустпромом УССР, с апреля 1924 г. — председатель Проскуровского окружного исполкома в бывшей Подольской губернии, с мая 1925 г. — директор правления Электробанка СССР. В 1926 г. Данишевский получил от ЦКК ВКП (б) строгий выговор за «неправильное кредитование» и с июля 1926 г. работал в одном из ведущих внешнеторговых подразделений — Госторге РСФСР: начальником инспекции, зам. председателя Пушногосторга. В январе 1930 г. он был взят на полугодовые курсы «парттысячников», после которых с осени 1930 г. учился в Военно-воздушной академии РККА. Став специалистом по авиадвигателестроению, Данишевский во время почти пятилетнего обучения был дважды награждён именным оружием — за «учебно-боевую подготовку» и «оборонное изобретение» [1. Л. 1, 1 об].

В июле 1935 г. он начал инженерную работу в Перми, вскоре получив должность начальника литейного цеха авиамоторного завода N 19 им. Сталина. Там он образовал вокруг себя команду инженеров во главе с Б.Л. Длугачем. И когда в Новосибирске был арестован начальник строительства авиазавода И.И. Бернштейн, Данишевского с частью команды в июле 1937 г. перебросили на его место. Нового директора сопровождал ворох доносов, связанный с его первой женой Соколовской, которая в 1931 г. была арестована как троцкистка и выслана из Москвы. Данишевский помог ей освободиться, вернуться в Москву и восстановиться в партии. В конце 1935 г. Соколовская, с которой Данишевский к тому времени расстался, была снова арестована «как враг народа». В свою очередь, Данишевский утверждал, что Соколовская была в партии «преданным товарищем», а троцкистом являлся её первый муж. Также он заявил: «Жил я с Садовской после возвращения её из ссылки потому, что мне рекомендовал сделать это сотрудник НКВД [А.Ф.] Рутковский, который вёл следствие по делу Садовской, да и сам я верил в её искренность». Отвечая на обвинения военпреда завода N 19 Яновского, Данишевский уверял, что тот сам «являлся ярым защитником классово-враждебных людей» и шпионом. Партийный контролёр, сообщая эти данные Р.И. Эйхе, предлагал проверить Данишевского через НКВД и отстранить от должности, но расправа над директором последовала почти год спустя.

Директором и начальником строительства новосибирского авиазавода N 153 Данишевский проработал до августа 1938 г. Под его руководством в конце 1937 г. завод выпустил первые истребители И-16. Бывший завод горного оборудования, перепрофилированный в авиазавод весной 1936 г., не мог быстро превратиться в крупного производителя самолётов. На 1 января 1938 г. укомплектованность станками не превышала 25–30%, отсутствовали помещения для штамповочного, слесарно-сварочного, гальванического, термического и стапельного оборудования. Особенный дефицит ощущался в квалифицированных работниках, а из-за

некачественных стапелей обшивка первых самолётов получалась кривой. При Данишевском были построены аэродром, водонасосная станция, водопровод, компрессорная, ацетиленовая станция, жилые дома для специалистов [9. Л. 420–425, 603–605].

Войдя в курс дела, Данишевский 21 сентября 1937 г. писал Сталину, что враги много навредили на авиазаводе, но у него, тем не менее, налицо возможность выйти на производство от 1 300 до 1 500 штук И-16 в год. При этом директор жаловался вождю, что не имеет веса и поддержки в главке и самом НКАП, из-за чего происходят долгие согласования в Москве по выделяемым фондам и пр. В письме Сталину в июне 1938 г. Данишевский расширил список врагов, упомянув среди вредителей арестованных наркома оборонной промышленности М.Л. Рухимовича, директора пермского авиазавода бригажнера И.И. Побережского, А.Н. Туполева, секретаря Запсибкрайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе, председателя Запсибкрайисполкома Ф.П. Грядинского, главу новосибирского облисполкома С.А. Шварца и секретаря горкома ВКП (б) И.М. Миллера. Также он не преминул отметить, что нарком авиационной промышленности М.М. Каганович его премировал за выпуск первых И-16, и заверял Сталина, что все части этих самолётов в Новосибирске делают лучше, нежели чем в Горьком.

При сменившем Эйхе первом секретаре обкома ВКП (б) И.И. Алексееве Данишевскому было трудно отстаивать интересы своего предприятия: тот лишь раз посетил стройку, а, вызванный как-то к Алексееву, Данишевский безрезультатно просидел в его приёмной с раннего утра до полуночи. [9. Л. 543–549]. В феврале 1938 г., помимо работы над серийным производством И-16 и УТИ-4, Данишевскому пришлось развернуть работы по созданию нового истребителя И-220, проект которого предложил молодой авантюрист А.В. Сильванский, получивший в неразберихе 1937 г. под своё руководство опытное конструкторское бюро N 153. Однако из-за грубых просчётов Сильванского построенный самолёт, планировавшийся как сильнейший в мире и поглотивший огромные средства, после ряда попыток лишь смог с трудом оторваться от земли.

Финала эпопеи с мертворождённым истребителем И-220 Данишевский не увидел, поскольку 13 августа 1938 г. был арестован вместе со своим заместителем С.И. Индисовым, главным инженером Б.Л. Длугачем и начальником оргтехбюро завода И.Л. Пружанским. Данишевского обвинили в крупном вредительстве, из-за которого был сорван запланированный пуск предприятия в эксплуатацию. Донос начальника ОТК завода Данилова, главного испытателя лётчика А.Ф. Тамары и главного инженера В.Л. Кураша утверждал, что Данишевский неправомерно выдвигает молодые неопытные кадры, а «ведёт политику так, в которой усмотреть преступные деяния почти невозможно, только чувствуя это внутренними интуициями» [10. Л. 150].

Следствие ввели известные своей жестокостью начальник занимавшегося «обслуживанием» оборонной промышленности 7-го отдела Новосибирского УНКВД Н.С. Великанов и врид начальника 2-го отделения этого отдела И.П. Деев. В мае 1953 г. Данишевский написал письмо К.Е. Ворошилову с просьбой о пересмотре дела и рассказом о его фабрикациии: «Две недели мне не давали ни на одну минуту заснуть... сидел на кончике стула в положении „смирно“». Добился успеха один из следователей, блондин с открытым лицом, который не кричал и не ругался, а задумчиво говорил: «Может быть, есть особые соображения, по которым партии нужно вас оформить врагом народа, судить, формально уничтожить, а потом под другим именем направить на особо-секретное задание?..» Данишевский поддался уговорам: «Ни крики, ни тычки, ни мучение лишением сна не сломили меня, а эта сирена в форме НКВД овладела моим обезумевшим мозгом — я дал слово писать всё что мне скажут» [9. Л. 428 об., 603–605].

Заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР в Новосибирске состоялось 13 ноября 1938 г. под председательством Д.Я. Кандыбина, С.М. Калашникова и И.Г. Китина. Как запомнил Данишевский, продолжалось оно не более трёх минут. Приговор — расстрел по ст. 58–7–8–11 УК за участие в террористической и вредительской правотроцкистской организации. Большой террор заканчивался, поэтому осуждённого не казнили сразу по вынесению приговора, а дали возможность написать прошение о помиловании. Через 17 дней Данишевскому объявили, что приговор отменён, но в камере смертников ему пришлось провести более трёх месяцев [9. Л. 430, 575, 578].

Военный трибунал войск НКВД Западносибирского округа 10–11 апреля 1939 г. осудил четвёрку инженеров, признав их членами вредительской организации Туполева, виновными в срыве сроков строительства завода и невыполнении программы по выпуску самолётов. До сентября 1952 г. Данишевский отбывал заключение на Колыме. Сначала работал забойщиком на добыче золота, потом старшим мастером и начальником механического цеха в пос. Стекольный под Магаданом, более 100 раз поощрялся за рационализаторство и хорошую работу, получил зачёты на 1 430 дней и год сокращения срока [9. Л. 596, 600–602, 420].

По воспоминаниям сокамерника, внешне суровый Данишевский отличался «редкой честностью, порядочностью и принципиальностью»; он спас многих интеллигентов и партийцев, решительно требуя в свою мастерскую в качестве квалифицированных слесарей никогда не державших в руках напильника «доходяг». Своё чекистское прошлое Данишевский скрывал, выдавая себя за бывшего комиссара дивизии [11. 518–519, 565]. В 1946 г. довольно загадочным образом Воздушная академия им. Н.Е. Жуковского выпустила в свет под его фамилией 187-страничное руководство по системе зажигания двигателей «Авиационное магнето». Оставленный вольнонаёмным на Колыме, Данишевский в сентябре 1955 г. был реабилитирован и смог перебраться в Москву.

Инженер-полковник в отставке Данишевский активно занимался литературной деятельностью, став составителем многих известных мемуарных сборников, выходивших и переиздававшихся столичными издательствами в 1960—1980-х гг.: «Они встречались с В.И. Лениным», «Дорогой борьбы и славы», «Провал операции „Цитадель“», «Были индустриальные», «Война. Народ. Победа», «Кузница Победы» и др. Настроен он был крайне догматически и, в частности, активно выступал против тенденции вспоминать добрым словом российских дореволюционных деятелей, написав в июле 1962 г. вместе с генерал-майором С.И. Петровским и профессором С.М. Дубровским письмо Н.С. Хрущёву в защиту поправленных при Сталине ленинских принципов монументальной пропаганды. Основным содержанием документа стал протест против строившегося в Москве памятника реакционному «царскому генералу» и чиновнику М.И. Кутузову. Авторы также раскритиковали сохранение монумента А.П. Ермолову в Грозном, а затем обрушились на известный памятник «разгульному князю» Юрию Долгорукому, предложив перенести его «на простенький постамент» в Александровский сад, а на постаменте княжеской статуи восстановить воздвигнутый в 1919 г. Обелиск Свободы (снесённый десятилетие спустя при реконструкции Тверской площади), украсив его цитатами из недавно принятой Программы КПСС [12. С. 96–99].

Это был не единственный опыт реакционной публицистики И.М. Данишевского. Когда «Комсомольская правда» 4 июня 1965 г. напечатала нашумевшую статью В.М. Пескова «Отечество», в которой автор призывал к созданию добровольных обществ по охране памятников истории и культуры, возмущённый Данишевский направил в редакцию газеты и ряду друзей письмо, в котором заявил, что «коммунизму не нужны предки, ибо он сам без роду, без

племени». Старый большевик был предельно резок: «Программа воспитания патриотизма, которую предлагает В. Песков, воспитания на умилении благолепием церквушек и малиновым звоном колоколов, на сохранении, а тем более на реставрации названий типа „Охотный ряд“, на возвеличивании и восхвалении царских сатрапов и канонизированных царями предков — эта программа подходила бы для дореволюционного патриотизма господствующих классов или для „патриотических“ вздохов современных вырожденцев из „перемещённых лиц“ и „невозвращенцев“, из „власовцев“...» Это характерное письмо попало в самиздат и было опубликовано русской эмиграцией [13. С. 65, 70].

Но принципиальность престарелого И.М. Данишевского не ограничивалась защитой заскорузлых догматов. Согласно мемуарам Л. Хургеса, бывший чекист умер прямо на заседании высокой партийной комиссии, защищая старого друга-лагерника, профессора Ю.К. Милонова, от клеветнической публикации: «Ничьей жизни, ничьему богатству или счастью не завидую, но такой смерти откровенно завидую» [11. С. 566].

Литература

1. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. П-4. Оп. 18. Д. 2866.
2. *Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.
3. *В.И. Ленин.* Биохроника. Т. 8. М., 1985.
4. *Посланцы партии.* Воспоминания. М., 1967.
5. *Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы.* Т. 1. Ч. 1. М., 1998.
6. *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.
7. *Морозова О.* «Инвалид Ответственного поста»: Социальная лексика красноармейца Кубракова // Родина. 2011. N 2.
8. *Государственный архив Алтайского края (ГААК).* Ф. П-3. Оп. 3. Д. 163. Л. 35–39.
9. *Архив управления ФСБ по Новосибирской области.* Д. П-4809. Т. 4.
10. *Архив управления ФСБ по Новосибирской области.* Д. П-4809. Т. 3.
11. *Хургес Л.* Москва-Испания-Колыма: Из жизни радиста и зэка. М., 2012.
12. *Источник.* Документы русской истории. 2003. N 1.
13. *Данишевский И. М.* По поводу статьи В. Пескова «Отечество» // Политический дневник. 1964–1970. Амстердам, 1972.

<http://rusk.ru/st.php?idar=57915>